

РОЛЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОПОСЛУШНОЙ ЛИЧНОСТИ КРЕСТЬЯНИНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Павлушков Александр Рудольфович

Кандидат исторических наук, доцент, Вологодский институт права и экономики ФСИН России
apavlushkov@yandex.ru

THE ROLE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE FORMATION OF THE LAW-ABIDING PERSONALITY OF THE PEASANT IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

A. Pavlushkov

Summary: Russian Orthodox Church aims to reflect the role of the Russian Orthodox Church in the formation of the legal model of behavior of the Russian peasantry. The mechanism of influence of the church on the social consciousness of peasants is considered. The study is based on the peasant community of central and northwestern Russia, where modernization processes took place most intensively and significantly influenced the social structure of the population. The materials of the ethnographic bureau of Prince V.N. Tishchev on the Vladimir and Vologda provinces published in the second half of the XIX century were used as sources for analysis.

Keywords: law-abiding, peasants, everyday culture, parish priest, church, tradition.

Аннотация: В статье ставится цель отразить роль Русской православной церкви в формировании правопослушной модели поведения русского крестьянства. Рассмотрен механизм воздействия церкви на общественное сознание крестьян. За основу изучения берется крестьянское сообщество центральной и северо-западной России, где модернизационные процессы протекали наиболее интенсивно и значительно влияли на социальную структуру населения. В качестве источников для анализа использованы опубликованные во второй половине XIX века материалы этнографического бюро князя В.Н. Тенишева по Владимирской и Вологодской губерниям.

Ключевые слова: правопослушание, крестьяне, повседневная культура, приходской священник, церковь, традиция.

Правопослушание – понятие междисциплинарное. В юридической литературе оно встречается крайне редко в силу общепринятого одностороннего смыслового понимания, сводимого к покорности человека. Отдельные правоведы пытаются связать правопослушание с особенностями национально-правовой культуры отдельных народов [15]. В исторической науке идет апеллирование к церковной практике послушания как обязанности исполнять различные церковные (или монастырские) предписания [13, с. 247]. Считается, что данное понятие пришло в оборот из церковного языка и обозначало повиновение, согласие [14, с. 318]. Противоречивость толкования правопослушания повлияло и на характер научных исследований. Историография темы немногочисленна и затрагивает ее отдельные аспекты [4, 10, 13, 7, 8].

Очевидно, что данное понятие является частью более широкой по своему смыслу категории – правовой культуры, понимаемой как совокупность правовых знаний, отношения к праву и правового поведения [1, с. 472]. Неслучайно, В. Даль видел в содержании «послушенства» связь с государством и определял его как подданство,

подчинение [3, с. 247]. Применительно к рассматриваемой теме правопослушание можно определить как соблюдение крестьянством государственных и церковных законов, традиций.

В социальной структуре населения крестьяне преобладали. Даже в конце XIX века их удельный вес составлял около 75 % [11, с. 11]. Крестьянское население было построено на основе общинной организации. Община как исторически сложившийся социальный институт была одновременно первичным механизмом самоуправления и очагом культуры. В 1878 г. величина общинных земель составляла 78 % крестьянских угодий [11, с. 167]. Общинный уклад с особым свойственным ему внутренним миром, устройством, отношением к внешнему (светскому, городскому) миру был своеобразным «зонтиком» защиты от проникновения враждебного внешнего влияния. Община сохраняла самоуправление, гарантировала социальную поддержку, выражала коллективные настроения. Фундаментом крестьянского общинного мира являлась Русская православная церковь, стремившаяся сохранить единство православной культуры путем культивирования традиционных и христианских ценностей.

Отношение к праву на различных территориях огромной Российской империи заметно отличалось друг от друга. Чем дальше территории располагались от столицы, тем больше было расхождение в приоритетах культурно-правовых ценностей. Если судить по материалам этнографической комиссии В.Н. Тенишева, то можно заметить, что посещение храмов крестьянами в Вологодской губернии было более строгим по сравнению с другими регионами. Религиозность населения выражалась не только в присутствии на богослужении, но и в более широком проникновении религии в крестьянский быт. Молебны совершались и на скотном дворе, и в поле, и в избе при невозможности по каким-то причинам посетить храм [12, с. 39].

Священник на селе пользовался уважением. Через него крестьяне получали информацию о событиях в стране. Происходило это следующим образом. Священник, совершая молебны в различных селах, останавливался в домах именитых крестьян. Во время трапезы сообщались последние новости и давались оценка событиям [12, с. 84]. Так формировался механизм общественного мнения. Церковь была не только проводником официальной позиции, но и помогала обеспечивать правопорядок на вверенной епархиальной территории.

Правопослушание укреплялось путем совершения религиозных обрядов. Вера в силу церкви подкреплялась чудодейственными актами помощи. Например, в Никольском уезде Вологодской губернии после многолетнего мора скота в д. Тарасове, был отслужен молебен в честь Космы и Дамиана. Падеж прекратился, а ритуальные действия с участием священника стали проводиться на регулярной основе. В частности, первый выгул скота в апреле всегда сопровождался освещенными вербами, которыми затем кормили коров. Считалось, что такая процедура защищает скот от болезней и охраняет от нападения диких животных. Крестьяне после таких полевых молебнов становились более дисциплинированными.

Церковь свою культурно-образующую миссию рассматривала через призму политических и социально-экономических процессов развития страны. Во второй половине XIX века в центральных агропромышленных регионах страны крестьянство оставалось доминирующим сословием с характерным традиционным религиозным сознанием. Вопреки желаниям правительства постепенно разрушить крестьянскую общину, большая часть крепких крестьянских хозяйств стремилась в ней остаться. Тогда как слабые и малоземельные крестьяне, жившие случайными заработками, уходили в город. Они пополняли ряды маргинального люмпен элемента, восприимчивого к противоправным действиям. В городской хаотичной среде «механически усвоенные православные догматы подвергались критике и находили выход

в нигилизме» [11, с. 193]. В свою очередь, крестьянская община, включавшая в себя наиболее устойчивую часть земледельцев, оставалась стабильным социальным регулятором отношений между властями и крестьянами. Церковь и сельское духовенство были частью этого процесса, воспитывая у крестьян правопослушание как обязанность подданного быть преданным государству и строго соблюдать установленные законы [5, с. 102].

Крестьянский повседневный мир был наполнен прежде всего христианскими ценностями, которые выполняли роль культурных ориентиров. Крестьяне семьями посещали церковь, где во время службы знакомились с христианскими предписаниями. Приходской священник, по словам современников, был для крестьян «учителем народной школы» и «наставником народной нравственности» [10]. В результате, в сознании крестьян складывались образы о морали и церковных законах, где библейские сюжеты переплетались с народным толкованием, основанным на житейской мудрости.

Знание крестьянами церковных законов сводилось к передаваемым из поколения в поколение христианским запретам: оскорблять супругами друг друга, проявлять неуважение и насилие к старшим и детям, нарушать богослужения, проявлять неучтивость к светской и духовной власти, отсутствовать на исповеди. Последнее интерпретировалось как основание для подозрения в греховности человека: если он не ходит на исповедь – значит ему есть что-то скрывать.

Особый смысл для крестьян имел божественный суд, о котором получали представление от священника и прихожан. Если приходской священник образы божественного суда связывал с сюжетами библии, то рассказы прихожан были основаны на фактах сельской жизни. В целом получалась очень мозаичная картина, в котором волшебство и земная деятельность крестьян переплетались между собой. Божественный суд ассоциировался со страшной и непостижимой силой, от которой никому было не скрыться, и, одновременно, – с проявлением высшей справедливости [8]. Даже если преступника не поймут, его, согласно народным поверьям, накажет Бог. Непонятные явления (внезапная болезнь или смерть родственников, хозяйственное разорение, разлад в семье и др.) объяснялись проявлением божественного правосудия. Была уверенность, что Бог всегда защитит безвинно пострадавшего. Вера в божественный суд придавала больше строгости поведению крестьян.

Однако была и обратная сторона медали, вера в божественный суд прикрывала отсутствие правовых знаний. Крестьяне крайне неохотно выступали в качестве свидетелей по уголовным делам, боясь ответственности перед Богом за то влияние, которое могли оказать своими словами на судьбу обвиняемого [2, с. 67].

Знание церковных канонов связывались с соблюдением постов и различных таинств. Особенно тщательно соблюдали посты женщины, запрещая пить молоко даже больным детям. Менее строгим отношение к постам было у молодежи, которая воспринимала их более спокойно, чем старшее поколение. Знания о самих таинствах у крестьян были поверхностными, что порождало различное отношение к ним. Если таинство покаяния соблюдалось всеми как безусловное требование, то таинство причащения могло игнорироваться [2, с. 62].

На правопослушание крестьян значительное влияние оказывали их религиозность, половозрастной состав. Отсутствие регулярного общения со священником приводило к сбоям в традиционной модели. Причины ухода крестьян в раскол, неповиновения властям, пропуска исповеди во многом объяснялись слабой деятельностью духовенства по религиозному просвещению, которое помимо начального образования прививало и подданные чувства местному населению.

Еще более печальнее складывалась ситуация с правовыми знаниями крестьян. О законе судили не по содержанию текста нормативного акта, а по решению суда. Чем суровее было наказание, тем острее было отношение к закону. Известен случай выдачи сходом беглого каторжника – жителя той же деревни, сосланного в Сибирь за воровство рыбы из закрытого садка. В данном случае для схода важнее было не знание конкретного законодательного акта, а тяжесть совершенного преступления. Воровство уже пойманной рыбы в отличие от ее незаконной ловли считалось преступлением, так как виновный покушался на частное имущество [2, с. 61].

Следовательно, отношение к правонарушениям определялось не знанием закона, а сложившейся традицией. Правопослушание достигалось тогда, когда законы не противоречили народным традициям. Длительное время формула единства закона и традиции была безусловным императивом и последовательно находила выражение в действиях консервативного правительства [6, с. 48-49]. Однако во второй половине XIX в. под воздействием либеральных настроений ситуация стала меняться. Набиравший силу юридический позитивизм требовал очищения законов от норм естественного права и более глубоких правовых знаний, к чему крестьянский мир не был готов.

Лица, которые знали законы и занимались их применением (судьи, полицейские, адвокаты) вызывали у крестьян настороженное отношение. Аналогичное отношение было и к государственным учреждениям. Мировых судов крестьяне боялись и относились к ним с недоверием, поэтому старались избежать судебного преследования путем полюбовного разрешения кон-

фликта. Мировые сделки между виновным и потерпевшим как правило разрешались путем уступок и компромиссов. Существовали разные способы достижения компромисса, например, – путем выработки собственной «около юридической» лексики. Вместо официально принятых правовых терминов использовались более щадящие разговорные формулировки: не кража, а самовольство; не преступление, а самоуправство.

Введение в оборот такого рода понятий создавало универсальное поле для более широкой трактовки совершенных действий. При этом крестьяне считали, что церковь стоит на их стороне, поскольку христианские и нравственные ценности совпадали. Например, допустимым считался самосуд, в котором усматривали проявление божественной воли. В качестве иллюстрации комиссия В.Н. Тенишева приводит случай с крестьянами одной из селений Владимирской губернии. После совершения кражи кошелька у нищей, селяне до смерти избили обидчика. Следствие не смогло установить зачинщиков и было прекращено. Проходившие по делу крестьяне отрицали свою вину и «видели в кончине вора «божественный перст». При этом все они называли себя правопослушными подданными [2, с. 64].

Следовательно, законы российской империи воспринимались крестьянами узко, относительно собственного уклада повседневной жизни. Целый ряд правонарушений (незаконная вырубка леса для личных нужд, покос на чужой земле, обман, мелкое воровство) не считалась преступлением, а к пойманному нарушителю испытывали скорее сочувствие, прекрасно понимая, что на его месте мог быть любой. Однако при повторном совершении мелкого правонарушения преобладало уже негативное отношение.

Таким образом, государственная модель правопослушного российского подданного не полностью совпадала с традиционными представлениями о праве у крестьян. Отношение к праву у крестьян имело приземленный характер. Право в абстрактных юридических категориях не воспринималось. Более важную роль играли сложившиеся традиции и церковные установления, формировавшие нравственную атмосферу повседневной жизни. Правопослушание воспитывалось посредством трансляции традиций, где ключевую роль играла Русская православная церковь. Соблюдение христианских заповедей были своеобразными маркерами поведения. Постепенное разрушение крестьянской общины и дальнейшая либерализация общества создавали серьезную опасность для государства. Оно собственной рукой ограничивало влияние тех институтов, которые имели первостепенное значение для воспитания подданных чувств крестьянства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барихин А.Б. Большой юридический энциклопедический словарь. М.: Книжный мир, 2005, 720 с.
2. Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (Владимирская губерния). Сост. Б.М. Фирсов, И.Г. Кисилева. СПб.: Европ. дом, 1993. 472 с.
3. Даль В.И. Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка. М.: «Изд. АСТ», 2004. 348 с.
4. Крывелев И.А. К характеристике сущности и значения религиозного поведения // Советская этнография. 1967. № 6. С. 21-31.
5. Комаров Д.А. Преступники против веры? Религиозные преступления в крестьянской среде (вторая половина XIX – начало XX века) // Вестник ТГУ. 2011. № 3. С. 96-107.
6. Мещерякова А.О. Граф С.С. Уваров в истории русского консерватизма // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 7-8. С. 46-52.
7. Обнинский П.Н. Закон и быт: очерки и исследования в области нашего реформируемого права. М.: Тип. А.И. Снегиревой, 1891. 17 с.
8. Павлушков А.Р. Крестьянский общественный контроль за соблюдением церковных правил повседневной жизни в XVIII–XIX вв.: сборник трудов конференции // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории: сборник материалов II Всеросс. науч. конф. с межд. участием (Чебоксары, 1 март 2022 г.) / редкол.: О.Н. Широков. Чебоксары: ИД «Среда», 2022. С. 153-155.
9. Павлушков А.Р. К вопросу о правосознании русского общества середины XIX в.: представления крестьян о божественном суде. Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований, 2021. № 3 (3). С. 29–34.
10. Розанов А.И. Записки сельского священника. СПб.: «Русская старина, 1882 г. URL: http://az.lib.ru/r/rozanow_a_i/text_0010oldorfo.shtml (дата обращения 10.10.2023)
11. Рубакин Н.А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. Опыт статистической характеристики сословно-классового состава населения. СПб: «Вестник знания», 1912. 216 с.
12. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. СПб: «Деловая полиграфия», 2007. 684 с.
13. Словарь исторических терминов / Сост. В.С. Симаков. СПб.: «Лита», 1998. 462 с.
14. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР. Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. Т. 3. М.: Рус. яз. 752 с.
15. Чеджемов С.Р. Правопослушание как результат правовой аккультурации на юге России до революционных событий 1917 г. (по материалам истории осетинского народа) // Журнал российского права. 2017. № 11. С. 25-32.

© Павлушков Александр Рудольфович (apavluschkov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»